

A close-up portrait of a man with short dark hair and a slight smile, wearing a dark blue polo shirt. The background is a plain, light grey.

#пейсбук

@александр_хаминский

Александр Хаминский

Пейсбук

«Издательство «Перо»

2016

УДК 159.9
ББК 88.5

Хаминский А.

Пейсбук / А. Хаминский — «Издательство «Перо», 2016

ISBN 978-5-906871-88-6

Как не стать миллиардером, оставаться при этом счастливым человеком и не считать копейки до зарплаты. Как в пятьдесят выглядеть на сорок и жить, как в тридцать. Как не бояться принимать на себя обязанности и ответственность. Как правильно расставлять ударения в законе «Бытие определяет Сознание». Мысли вслух, записанные на бумагу автором – известным юристом, психиатром, журналистом и общественным деятелем. Практическое пособие для тех, кто хочет вырваться из собственной скорлупы и плена общественных стереотипов.

УДК 159.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-906871-88-6

© Хаминский А., 2016
© «Издательство «Перо», 2016

Содержание

Моим читателям	6
Еврей в России	7
Еврей в России – Больше, чем еврей[1]	7
Поговорим? (Интервью журналу n-Style)	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Хаминский Пейсбук

© Александр Хаминский, 2016

Моим читателям

Как-то очень незаметно подошло и вступило в свои права новое время. Не спросив разрешения и ни с кем не советуясь.

Сегодня в моем окружении нет ни одного человека, который не имел бы логина или ника, аккаунта или профайла. Новая информационная среда, новые правила игры и новый стиль поведения диктуют, как жить, с кем дружить, о чем говорить. Мы разучились пользоваться языком, который для каждого когда-то считался родным. Лидеры мнений, гуманитарии с университетским образованием путают тире с дефисами, двоеточиями и запятыми. Хипстеры, возмнившие себя нонконформистами, отказываются от знаков препинания, как от ненужных анахронизмов. Ум стал лишним или, в крайнем случае, бесплатным довеском к стандартному набору материальных благ и умению подать собственную персону дорого и красиво. Вернее, продать себя обществу в качестве его бесценного члена. Выйдя один раз на эту орбиту, остановиться практически невозможно. Потому что падать больно и страшно, а подниматься и снова взлетать с обломанными крыльями, увы, не получится.

Большинству людей знакомых и незнакомых я могу показаться эдаким счастливчиком, баловнем судьбы, которому небесная лотерея подарила шанс выиграть миллион, чем не воспользоваться было невозможно. Особенно, когда в пятьдесят выглядишь на сорок, а нормы ГТО сдаешь, как в тридцать. На самом деле никаких секретов нет. Просто я патологически не приемлю две вещи: лень и неумение держать слово. Все остальное можно пережить.

Скорее всего, мне не удастся в нынешней жизни заработать миллиард. Есть слишком много вещей, которые я должен успеть сделать, пока есть на то силы, и миллиард в списке приоритетов стоит далеко не на первом месте.

Мысли вслух. Примерно так должна была называться эта книга. Но, отдавая дань современным реалиям, я назвал ее так, как вы видите на обложке. Одни заметят в этом влияние социальных сетей, другие вспомнят о моем еврейском происхождении, третьи просто-напросто переведут с английского слово расе... И каждый будет по-своему прав.

Книга основана на реальных событиях, которые стали следствием реальных мыслей автора, которые, в свою очередь, изложены в настоящей книге.

Еврей в России

Еврей в России – Больше, чем еврей¹ Свобода – это право жить так, чтобы не было стыдно

Хаминский, Высоцкий, Вознесенский, Маяковский.

Практически, как в детской считалочке: выбери одного еврея из четырех фамилий, оканчивающихся на «-ский».

Троих из этого списка знают практически все, кому русский язык приходится родным. Четвертый же, как сегодня принято говорить, широко известен в узких кругах. Правда, кругов этих оказалось достаточно много: юристы и медики, промышленники и банкиры, издатели и журналисты, раввины и философы, защитники животных и сторонники здорового образа жизни, артисты, художники, поэты и музыканты...

Так случилось, что для большинства из них он – свой, тонко разбирающийся в нюансах, как минимум, дюжины профессий, хронический трудоголик и неутомимый выдумщик и, при этом, верный и надежный друг, готовый придти на помощь в любой из двадцати четырех часов в сутках.

Читает наизусть упомянутых выше Высоцкого, Вознесенского и Маяковского, называя их уважительно по имени-отчеству: Владимир Семенович, Андрей Андреевич и Владимир Владимирович. И вообще, считает их своими духовными наставниками.

«Правда у каждого своя, но истина – одна на всех. Совесть же – расстояние между правдой и истиной, которое ты можешь себе позволить».

Это не просто слова, это жизненное кредо нашего сегодняшнего героя – Александра Хаминского, энциклопедиста, нонконформиста, большого знатока и ценителя жизни.

Мы знакомы почти двадцать лет, но всякий раз, независимо от частоты наших встреч, я как бы заново открываю этого несколько странного, но удивительного человека. Будучи практически всегда во власти, он умудряется оставаться вне политики, не связывая себя круговой порукой и не греша против собственной совести.

В Москве после затяжной весны только-только стали появляться летние веранды, и, воспользовавшись хорошей погодой, договорились встретиться в самом центре мегаполиса на одной из них, приветливо спрятавшейся в излучине реки и скрытой от городского шума огромной сталинской высоткой. Я неотвратимо опаздывала и в душе надеялась, что московские пробки внесут коррективы и в его маршрут, снивелировав мое отставание. Но он, как обычно, уже сидел за столом с неизменной чашечкой эспresso в руке. Я плюхнулась на диван напротив, пытаясь на ходу придумать оправдания, но никакие позитивные идеи в голову не приходили. Хаминский (а именно так, по фамилии, я чаще всего его называю) сидел, подставив лицо теплему июньскому солнцу, чему-то радостно жмурился, как чеширский кот, и никак не хотел меня замечать. Так, помолчав с минуту и не придумав ничего более-менее оригинального, я набрала полную грудь воздуха и... произнесла банальное «привет».

«... Сегодня дождь и скверно, а мы не виделись, наверное, сто лет», – Хаминский передразнил меня словами известной песни и рассмеялся в голос. В этом он весь: сгладить любую неловкость, пошутить на контрасте для него так же естественно, как и дышать. Он вообще все делает естественно, будто бы родился уже все знающим и все умеющим, а последующие годы

¹ Интервью журналу «Москва – Тель-Авив»

просто шлифовал свое мастерство. Конечно, никакого дождя не было и в помине, солнце светило радостно и звонко, я расслабилась и улыбнулась в ответ.

– В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето, – не унимался мой визави, – знаешь, обзавелся новой фотографией Маяковского, вернее, друг подарил. История такая: отдыхали Вова, Ося (Осип Брик, авт.) и Лиля на море, и был у них на троих один фотоаппарат. Все как сейчас: волшебную кнопку нажимать умели, а проявлять и печатать – увы и ах. Тут к ним на пару дней заехал Александр Родченко, который и навел порядок с фотоэкзерсисами. Так я стал счастливым обладателем редчайшего фото!

– Ты хочешь сказать, что девяносто лет назад Брик снял, а Родченко распечатал это фото специально для тебя?

– А как иначе? Я же на чужое не претендую, но и свое не отдам.

Вот такой у меня друг – Александр Михайлович Хаминский, блестящий юрист, основатель психиатрической клиники, благотворитель, защитник животных, личность творческая и неординарная во всех отношениях, спортсмен, журналист и просто красавец-мужчина.

Я достала диктофон, блокнот и ручку. Он взмахнул рукой и, вместо сакраментального «поехали», с улыбкой произнес:

– Только, чур, с перерывом на кофе!

Корр.: Существует такая дразнилка у одесских евреев – заканчивать каждое предложение вопросом. Александр, скажите, еврей в России – больше, чем еврей?

А. Х.: Скажу по секрету: еврей и в Монголии больше, чем еврей, и в Киргизии, и в Румынии, и даже в Аргентине. За исключением, пожалуй, Израиля. Там он ни больше и не меньше, там – ровно в точку! (смеется)

Ну, а если серьезно, здесь дело не столько в национальности, сколько в человеке. Моих предков несколько тысячелетий гоняли по миру, жгли, стреляли, травили. Но они смогли не только выстоять, но и сохранить язык, культуру, книги, национальное самосознание и самовосприятие. Последние шестьдесят семь лет, с момента образования государства Израиль, им удается уже не только защищаться, но и защищать. Всем известно, что Израиль не прощает своих врагов, преследует до последнего, где бы они не находились, как бы не прятались. На мой взгляд, очень честный способ отдать долги погибшим за то, что ты сегодня можешь жить на этой земле.

Я родился в Советском Союзе и при нем прожил половину жизни. Кто-то с тоской сегодня ностальгирует по тем временам, но я все очень хорошо помню. И неформальный, а потому ненаказуемый антисемитизм, причем на самом высоком государственном уровне. И закрытый на замок рот, и кухонные пересуды, и самиздат, и первые размышления о том, где жить, как жить и с кем жить.

Уже четверть века нас окружает другая страна. Да, нам разрешают заниматься бизнесом и зарабатывать деньги. Нам разрешают, вернее, пока не запрещают тратить деньги на совсем нескромные товары. Наши дети имеют возможность поступать и учиться в престижных ВУЗах. Но где вы видели еврея, к примеру, губернатора? Или премьер-министра? Нигде. Потому что нельзя. Что люди скажут? Как это, еврей и вдруг он – наша власть. Нехорошо.

Но если на одной восьмой части суши ты смог дорасти до того, что не защищаешься, а защищаешь, значит, ты уже больше, чем привычный всем советско-российский еврей.

Корр.: Для вас свобода – категория нравственная, политическая или материальная?

А. Х.: Я бы привел еще один критерий свободы: условная и безусловная. В обществе она всегда условная. Отдельные же граждане вряд ли задумываются о таких тонких материях. Положите на две чаши весов «пока свободой горим, пока сердца для чести живы...» и «одет-обут, накормлен-напоен, что же ты, зараза, двойку принес» и посмотрите, какая из них перевесит. Вот Вам и ответ.

Но, как ни странно, себя я считаю вполне свободным человеком. Для меня свобода – не отсутствие рамок и ограничений, а возможность самому их устанавливать и самому их же соблюдать.

Корр.: Мне казалось, что свобода, в первую очередь, это право говорить и возможность быть услышанным. У нас выйти на площадь уже преступление, а Вы говорите о какой-то эфемерной безусловной свободе в рамках отдельно взятой личности!

А. Х.: Я вышел на площадь в августе 91-го. Мы стояли перед Белым домом и пели «Перемен!» Виктора Цоя и «Битву с дураками» Андрея Макаревича. Было не страшно, но не от своей безудержной смелости, а от полнейшего незнания возможных последствий. У «врагов» с совестью все было более-менее в порядке, и нас не расстреляли. Но те, за кого мы тогда вышли, всего лишь два года спустя, не найдя иных аргументов, расстреляли своих оппонентов из танковых пушек. С тех пор я, однозначно, вне политики.

У меня теперь своя площадь: люди с душевными расстройствами, различными отклонениями. Взрослые, дети, старики. Борьба не просто за их жизнь, а, скорее, за выживаемость. И у этой площади есть одна особенность: если ты на нее вышел, уже не вправе уйти.

Принесли кофе, и мы взяли паузу, чтобы поболтать о жизни и обменяться последними новостями. Кризис вмешался в мои текущие планы, среднесрочные обязательства превратились в краткосрочные. Мой бывший вернулся, чтобы через два месяца снова стать бывшим. Я зацепилась штатно на одном региональном канале, параллельно пишу новости для трех газет и готовлю редакционные материалы для двух журналов. Мама стала чаще хворать, у отца проснулась совесть, и он начал потихоньку из своей Эстонии присылать ей на лекарства. Рассказ получился настолько будничным и скучным, что мне на какое-то мгновение стало жалко себя. Конечно, сейчас я услышу истории о великих победах и веселых похождениях и или развеюсь, или еще больше впаду в хандру.

Хаминский отодвинул в сторону кофе и как-то пристально посмотрел на меня. Или сквозь меня. Конечно, когда у тебя собственная психиатрическая клиника, а ты – психоаналитик и психотерапевт в одном флаконе, скрываться и что-либо скрывать бесполезно.

– А знаешь, буквально на днях пристроили Терру на испытательный срок. Б-г даст, приживется. Чулпан шлет приветы с фотографиями. На участке ее ждал жених, но она быстро объяснила, кто в доме хозяин, вернее, хозяйка. Жужа всем устроила веселую жизнь: еще в феврале умудрилась распахнуть ворота и удрать. Все столбы в округе обклеили объявлениями, на всех сайтах отметились – как в воду провалилась. Не веришь в чудеса? Через два с половиной месяца нашлась в пятнадцати километрах от дома. Донецкому Малышу повезло дважды: его буквально вытащили из-под огня и смогли довести до Москвы, а через неделю появился новый хозяин...

Хаминский говорил все громче, глаза горели все ярче, сидевшие за соседними столиками посетители пытались понять, кто все эти люди, о которых с такой страстью говорил мой друг. И невдомек им было, что речь шла о бездомных алабаях, которых или уже пристроили, или предстояло пристроить в семьи.

Я смотрела на него и думала: а не в таких ли поступках и делах проявляется то, о чем Г-дь пытается докричаться до каждого из нас со своего высокого далеко? Во всем мире войны, кризисы, безработица и катастрофы, а он каждый день следит за своими подопечными, оплачивает проживание в приютах, питание, прививки, операции...

Я как-то поинтересовалась, а почему именно алабаи? Ведь когда ты много-много лет жил под одной крышей с самым известным российским лабрадором, который был тебе больше чем просто другом, чем обусловлен такой неожиданный выбор?

– Понимаешь, у алабаев главное предназначение – охрана дома и хозяина. И что интересно, они знают об этом практически с рождения, их можно ничему не учить. Но эта красивая

и гордая собака становится беспомощной и уязвимой, если ее выбросить на улицу. Бездомный алабай всегда тянется к людям, они же зачастую бьют его палками или ногами, чтобы отогнать. Он не сопротивляется, его бьют еще больше. Горько, но с этой породой происходит больше всего подобных случаев. И у человеческого предательства всегда находится оправдание. Если тебе хоть раз приоткрылась эта сторона жизни, забыть о ней ты уже не можешь.

Корр.: Много раз слышала такие заявления: как можно выбрасывать деньги на каких-то собак, когда вокруг так много больных людей.

А. Х.: Обычно так говорят люди, ни разу в жизни не сделавшие ничего полезного и доброго ни по отношению к другим людям, ни по отношению к собакам. В моей клинике всегда открыты двери детям, чьи родители не в состоянии оплатить лечение. Это моя принципиальная позиция. Да, действительно, это благотворительность. И мне очень нравится само словосочетание: благо творить. Но, помогая детям, мы лечим их души, помогая же бездомным собакам – лечим свои.

Корр.: В обществе бытует мнение, что благотворительность – это некий способ уйти от налогов, отмыть деньги под видом помощи, а сырым и голодным достаются лишь крохи. И то, чтобы создать видимость помощи.

А. Х.: Полная ерунда. У нас нет никаких льгот для благотворителей, в том числе налоговых. Механизм простой: покажи прибыль, уплати налоги, убеди акционеров и начинай помогать. Хочешь – через фонды, хочешь – напрямую. С личными финансами еще проще. Заработал, заботливо разместил в банке или в собственном кошельке, остановился, огляделся по сторонам, понял – кто, если не ты? – раскрыл кошелек и отдал. Для 99 % последний шаг – задача из области фантастики.

Корр.: Вот как раз в этом вся проблема. Считается, что богатые отдают, бедные получают. На самом деле граница размыта, что позволяет всегда найти миллион отговорок. А вопрос, мне кажется, лежит все-таки в морально-этической сфере, а отнюдь не в материальной. Может, нужно популяризировать эту деятельность, призывать, приглашать к ней присоединиться?

А. Х.: Это как в анекдоте: «А черную икру не пробовал? Нет? А фуа гра, а осетрину? Ну, что ты, батенька, заставлять себя надо, заставлять!»! Только ситуация, на самом деле, очень грустная. Один знакомый, зная о моем не безразличии к детям с синдромом Дауна, поинтересовался, как можно присоединиться и чем можно помочь. Дело было в конце декабря, я как раз сделал новогодний взнос в фонд Даунсайд Ап, о чем и рассказал ему. Мой товарищ загорелся, выделил некую сумму и помчался вручать. Это был первый и последний благой шаг в его жизни. Не случилось фанфар, эйфории и передовиц в центральных газетах. Не нашел, не почувствовал он удовлетворения внутри себя, а внешних регалий настоящая благотворительность не предусматривает. Хорошо, хоть на один раз хватило, и на том спасибо.

Корр.: А почему бы не обратиться в крупные корпорации, ведь у каждого богача в нашей стране найдется или скелет в шкафу, или дедушка-пират?

А. Х.: Скажу честно: когда я кого-то о чем-то прошу, даже в пользу больных детей, мне кажется, будто про меня думают, что я прошу для себя, но под благовидным предлогом. Возможно, я несколько путано объяснил, но мне проще сделать самому, чем просить других.

Но однажды, наступив на горло собственной песне, я отправил обращение в 49 крупнейших частных и государственных компаний с предложением принять участие в программе оказания медицинской помощи детям-аутистам. Расписал до копейки все расходы, сроки, процедуры и, самое главное, рассказал об ожидаемых результатах. 47 писем остались без ответа, одна компания отписалась, что план участия в подобных мероприятиях расписан на три года вперед, еще из одной позвонили, поинтересовались подробностями и обещали подумать. У меня появилась надежда. Ведь речь шла о государственной компании «Транснефть», которая является, к примеру, главным спонсором московской программы «200 церквей». Вот, думаю,

если бюджетный кодекс не позволяет государству напрямую участвовать в благотворительной деятельности, всегда найдется способ, например, через распределение прибыли госкомпании. Было бы желание. Но за звонком ничего не последовало! Очевидно, стройки дороже. В прямом и переносном смысле.

Корр.: Сейчас очень популярно во всем мире не оставлять в наследство заработанные миллиарды, а передавать их в благотворительные фонды. А наследники пускай сами выкарабкаются, сами доказывают, на что способны и чего достойны.

А. Х.: Существуют целые отрасли – управление рисками, управление имиджем, пиар. То, о чем Вы говорите, относится именно к этой сфере. И причины таких заявлений имеют совсем иную подоснову, чем официально озвучивается. Пускай попробует хоть один крупный предприниматель сменить юрисдикцию нахождения своих капиталов! Когда у тебя есть пять, десять, двадцать миллиардов, место их хранения – это уже вопрос национальной безопасности. Это правило работает всюду: в России, в Америке, в Израиле. А публичное заявление о выходе из бизнеса и передаче активов в благотворительные фонды позволяют почти безболезненно сменить прописку. Не у всех же такие способности договариваться, как, скажем, у Романа Абрамовича!

Корр.: Вы утверждаете или предполагаете?

А. Х.: Здесь нет никаких секретов. Шила в мешке не утаишь, тем более, такое немаленькое шило. Помните, лет десять назад Билл Гейтс отдал все, что заработано непосильным трудом, бедным? А теперь скажите, кто сегодня по версии того же «Форбс» самый богатый человек в мире? Правильно, Билл Гейтс, глава наблюдательного совета и главный бенефициар фонда Билла и Мелинды Гейтс. При этом данный бенефис – наследственный, а с завещанием у Билла все в порядке.

Наши тоже не отстают. Один известный никелевый король аккурат перед разводом с женой вдруг надумал избавиться от активов. Дети, мол, взрослые, сами себя найдут по жизни, а мне, мол, многого и не надо. И чтобы все поверили в подобную чушь, даже любимую мегаяхту, названную именем любимой дочери, переименовал и сдал в аренду. Думаете, каждый рубль, доллар или евро из его запасов стали от него хоть на микрон дальше? Нет, конечно. Как жил, так и живет себе на Лазурном берегу, распугивая ко всему привыкших французов и мoneгасков эскортом черных мерседесов, что по местным понятиям считается форменным жлобством.

В общем, с собственной совестью всегда можно договориться, просто выключив тумблер.

Я слушала и одновременно наблюдала за своим героем. По идее, рассуждая на такие серьезные темы, собеседник должен выражать соответствующие эмоции на лице: хмурить брови, закатывать глаза, сжимать в струнку губы. Но ничего подобного я не заметила за Хаминским. Все та же полуулыбка, спокойный тон, приветственный взмах рукой сидящим через столик знакомым. На самом деле ничего удивительного в этом нет, когда человек не рассказывает сочинение на заданную тему, а просто выражает свои мысли вслух. Он говорит, как живет, и живет, как говорит.

Снова принесли кофе, я поставила диктофон на паузу, и разговор как-то сам собой перешел на тему искусства. Признаться честно, я вообще не понимаю, как столько информации может уложиться в одной отдельно взятой голове.

– Знаешь, почему Scorpions на сцене так фирменно звучат? Потому что никаких дешевых компьютерных ритм-секций. Три акустических гитары, два ударника, двое клавишей, басы и куча бэк-вокалисток. Но секрет не в этом. Элтон Джон обходится куда меньшим составом, но какая харизма! А ZAZ на сцене целые представления устраивает: только что кабаре было, через мгновение улицы Монмартра. Кстати, Большой филармонический оркестр Монако – на самом деле большой. Прикинь, 14 скрипок, 14 альтов, 8 виолончелей, 6 контрабасов, 24 медных, 5

ударных, 2 арфы и 3 клавесина. По одному: рояль, синтезатор, гитара и аккордеон. Теперь представь себе все это великолепие во внутреннем дворе княжеского дворца – сидишь, словно в одной большой оркестровой яме. А вот оркестр Андрэ Рье берет другим: у него безумная подача, темперамент каждого музыканта зашкаливает. Аня Нетребко – что-то из области фантастики. Я ее слушал до беременности в Большом зале консерватории, на седьмом месяце беременности в опере Бастилия и совсем недавно на Красной площади. Одно могу сказать – красавица!

Если не остановить, эти истории он может рассказывать часами, а, возможно, и сутками. Это же как интересно можно жить, если все видеть и слышать самому, и даже считать инструменты!

В Москве его окружают множество творческих людей. С одними он дружит, с другими просто хорошо знаком.

– Я очень близок с Левой Оганезовым. Мы разговариваем о чем угодно, только не о психиатрии, юриспруденции и фортепианных концертах Рахманинова. Как-то изобрели и даже получили патент на клавишный электро-музыкальный инструмент одновременно для правой и левой, на этом с работой и закончили. А вот с поэтами у меня история другая. Люблю подколоть их на день рождения эпиграммами. Вот Саше Вульху написал:

*Вульх! Как много в этом звуке
И для друзей, и для подруг.
В аплодисментах ноги, руки —
Гремят овации вокруг!
Эрот и Марс в одном стакане.
Отелло, мачо и бунтарь.
Сквозь ночь я слышу голос Сани:
Аптека, улица, фонарь...
Пока немытая Россия
Гоняет всех своих врагов,
Тебе на все хватает силы,
И острых стрел и метких слов!*

А это совсем коротенькое стихотворение для Саши Шаганова:

*Поднимают бокал непьющие,
Те, кто пьет, начинают заново...
За поэта, стихи поющего,
За Есенина наших дней – Шаганова!*

Корр.: Мне кажется, в судьбе каждого человека участвует провидение. Наверное, неспроста случилась и эта история с фотографией В. Маяковского, которую Вы считаете своей. Я даже вижу, что, живи великий поэт сейчас, он был очень похож на Вас. И внешностью, и характером, и повадками.

А. Х.: Когда мне подарили ту самую фотографию Маяковского на море, я любовался ею и фантазировал, будто бы Владимир Владимирович отдыхал не на Черном, а на Средиземном море. Где-нибудь в Монте-Карло, возможно, в наше время. И сочинил за него такие стихи:

*Я поэтом
Лазурного берега стал.
Нет, скорее,*

*лет 20 уже им был.
В Белокаменной
густо-бурлящей устал.
В самолет!
Белым облаком след мой простыл...
Имена соседей в Ле Гри
ласкают слух,
Слева, вроде, министр,
справа рок-звезда.
Сколько нужно иметь
земных заслуг,
Чтобы взять, да остаться
здесь навсегда!*

Я поняла, что погорячилась, выключив диктофон, и поспешила продолжить интервью.

Корр.: Александр, может вы не совсем правильно определились с основным видом деятельности? Вам бы сочинять да сочинять, а юриспруденцией и психиатрией заниматься на досуге!

А. Х.: Я порой сам путаюсь, где работа, а где хобби. Как журналист выдаю на-гора по 15–20 статей в год, сочиняю массу стихов и читаю их на заседаниях Виторган-клуба. Один раз умудрился написать блюзовую балладу и сыграть ее с известным гитаристом-виртуозом Ромой Мирошниченко. Так что с реализацией у меня все отлично!

Корр.: Вы дружите с семьей Эммануила Виторгана, много общаетесь не только в Москве, но и приезжаете к ним в Юрмалу. А что это за история с вашим стихотворением, которое читает Эммануил Геденович на своих вечерах?

А. Х.: История, действительно, забавная, из серии «нарочно не придумаешь». Была у нас большая встреча, по-моему, закрытие театрального сезона. Основная часть присутствовавших – люди творческие, мне давно знакомые. Решил я их порадовать стихами. Сочинил, прочитал, сорвал аплодисменты и, как обычно в таких случаях происходит, отдал листок с текстом Виторганам. Только забыл подписать. Как-то Эмма готовился к очередному творческому вечеру, перебирал бумаги и наткнулся на стихотворение неизвестного автора. В общем, с того момента мое произведение стало обязательным номером его выступлений. Авторство вскрылось спустя почти год, меня объявили, и нам всем было безумно приятно, особенно мне.

Корр.: После такого рассказа я вас без этого стихотворения не отпущу.

А. Х.: Попробую, но только в авторском исполнении и без фирменных виторгановских интонаций.

Итак, «Моим друзьям».

*Мои друзья поэты и прозаики
Чуть-чуть ворчливы, ветрены чуть-чуть.
Слагают из причудливой мозаики
Такое, что полночи не уснуть.
Мои друзья маэстро, боги музыки
Творят, играют, дергают струну.
Под пальцами волшебными и узкими
Их звуки разрывают тишину.
Мои друзья безумные художники
Смешали краски солнечного дня,*

*Рванули за пределы невозможного,
Слепив из пепла нового меня.
Мои друзья артисты театральные,
Балетные, киношные мои,
Открыли двери вечного, астрального
И души обнаженные свои.
Согреюсь под лучами их блестящими,
Но среди ночи сразу не пойму,
Как в полусне, но так по-настоящему
Нас всех прибило к кругу одному.
Рассвет прогонит сон. И с ним мечтания
Растают в ожидании бытия,
Вернется прагматичное сознание...
Но как я вас люблю, мои друзья!*

Корр.: Аплодисменты! Блестяще! Это зенит, это слава! Вам обязательно нужно продолжать в том же духе.

А. Х.: А я и продолжаю. Только давайте не будем путать понятия. Известность – это когда тебя узнают в лицо люди, которых ты никогда в жизни не встречал. Знаменитость – когда узнают в лицо и помнят по имени. Слава – когда узнают, помнят и знают за что.

Я же, как вы успели заметить, широко известен, но только в узких кругах.

Мне в этих кругах хорошо, комфортно и уютно.

И совсем не хочется из них выходить.

Я отключила диктофон уже окончательно. Мы перешли на чай, болтали о погоде, курсах валют и общих знакомых. Только одна мысль не давала мне покоя.

Казалось бы, двадцать лет – достаточный срок, чтобы узнать человека. Но только не в этом случае. Мой старый-престарый знакомый Александр Хаминский всякий раз открывает в себе что-то новое и щедро делится этим с миром, который его окружает.

Что он придумает к нашей следующей встрече, одному Б-гу известно.

Возможно, это будет очередной закон Хаминского: двадцать пять часов в сутки, восемь дней в неделю, пятьдесят три недели в году.

Глагол подставьте сами.

Поговорим? (Интервью журналу n-Style)

Как русский с евреем родину делили

Кто я? Русский? Еврей?

Прожив всю жизнь в России в качестве «русского еврея», Александр Хаминский решил побывать каждым из них по отдельности.

И сразу открыл в себе массу противоречий.

Возможно, на Земле до сих пор царил матриархат, если бы не события относительно недавней истории, которые разделили мир на «до» и «после».

За последний год мне довелось немало поехать по заграницам. Трижды Франция и Монако, дважды Англия и Израиль, Голландия, Шотландия, Болгария...

Каждый раз, улетая из России и возвращаясь в Россию, передо мной вставал почти гамлетовский вопрос: жить или не жить. В смысле: где, как и в качестве кого.

Возможно, причиной подобных рассуждений явилось то, что места моих путешествий в разные годы становились знаковыми для российских граждан. Голландия – колыбель идей о новой России, Болгария – мечта советского человека о социалистическом будущем, Франция – прародительница русской эмиграции, Англия – политическое убежище для несогласных, Монако – экономическое убежище для согласных, Шотландия – родина напитка, который пьют и те, и другие.

Израиль...

Так и подмывает написать, что Израиль – моя историческая родина, и на этом поставить точку.

Но это не так. Моя малая и историческая родина совпадают, это – Россия, а Израиль мог бы стать моей второй родиной. Но не стал.

Может, оттого, что мне хорошо там, где я есть. Начиная с конца 80-х, лично для меня самореализация и ожидания от будущего здесь оказались более понятны, чем возможные, но туманные перспективы там. Близкие уехали, но самые близкие остались.

Я родился при режиме, чуть-чуть подышал свободой, и опять вернулся в режим. Вернее, меня вернули. Вместе со страной.

Если набрасывать на обе чаши весов одинаковые гири, в конечном итоге одна да перевесит. Какая, предугадать невозможно.

Так и во мне десятилетиями уживаются русский и еврей, еврей и русский.

Я решил поговорить с ними обоими.

А. Х.: Бьют, как известно, не по паспорту, а по морде. Насколько я понимаю, в этом основная причина репатриации евреев. Хотя вслух можно долго рассуждать об экономической, социальной или духовной составляющей...

Еврей: Рассуждать, конечно, можно долго. Но в кои веки у евреев появилась родина! И не просто родина, а то самое место, откуда началась история всего человечества. За сколько лет и через какие испытания пришлось нам пройти, чтобы, наконец, добиться исторической справедливости. Ведь хочется уже пожить в своем государстве, где все во имя человека, все во благо человека! И в Израиле этот человек – еврей.

Русский: Вот-вот! А мы-то живем и всегда жили на родине. Были княжества, стали области, был царь, стал президент, вера одна на всех уже второе тысячелетие. На месте не стоим – эволюционируем! И ксенофобией не страдаем, нет. Наоборот, зла не помним, всех приветчаем. И татар, и евреев, и армян, и даже таджиков. Но все должны помнить: они здесь дома, пока не

сели на голову хозяевам. Потому и приходится порой подсказывать, как себя вести, чтобы не борзели. А вы, не разобравшись, всюду антисемитизм видите.

А. Х.: Вот как раз в вопросе «гостей» и «хозяев» вся проблема! Ощущение, что ты в гостях, заставляло миллионы людей по всему миру сниматься с насиженных мест и отправляться на землю обетованную, причем незнакомую и неизведанную. Напоминает покупку джинсов по каталогу Quelle: на картинке понравилось, а доставили – то цвет не тот, то размер. И не сдать, и не поменять.

Еврей: А что, скажите, здесь можно поменять? Что вас держит, кроме собственных цепей? Могилы предков и малогабаритка в хрущевке? А там, по крайней мере, есть свет, а не только туннель. И защищенность: работа, зарплата, здравоохранение, учеба, обеспеченная и спокойная старость.

Русский: Это вам хорошо сегодня так говорить. Мучились-мучились, и вот на тебе – подарок от Бога, Израиль! А без СССР, без русских никакого Израйля до сих пор бы не было. Забыли, как в 1948 году наш Громыко еврейский вопрос в ООН продал? Это уже после они к американцам переметнулись, а сначала только нам были благодарны!

Еврей: Да что ты все заладил: русский да русский. Когда грузин страной управлял, что-то вы, русские, по углам попрятались и в тряпочку молчали!

Русский: Вы еще прадедушку вспомните! Забыли, за кого Сталин, будучи грузином, тост произносил? За великий русский народ! Оттого что в душе сам был русским, потому и фамилию такую выбрал – Сталин.

А. Х.: По-моему, Сталин в душе был бандитом. И не в душе тоже. Кстати, железный занавес при Иосифе работал только в одну сторону – на выезд. Въезд в страну Советов был практически свободный. И ехали к нам со всего света, евреи в том числе. Как в свое время в США итальянцы, китайцы, ирландцы.

Еврей: Правильно, ехали. Летели во весь опор напрямую в ГУЛАГ.

А. Х.: ГУЛАГ принимал всех, независимо от места происхождения и национальности. Сталин был изощренно мудр: интернационализм во всем, по обе стороны колючей проволоки.

Еврей: Зато сейчас, когда давным-давно нет официального ГУЛАГа, интернационализм тоже куда-то пропал.

Русский: Про интернационализм, если он имеет место быть, никто и не вспоминает. Вот в наши годы, допустим, в детском саду или в школе кого вообще волновали национальности! Кто Абрам, а кто Рустам, кто Иван, а кто Ваграм – какая разница, на всех была одна песочница.

Еврей: Зато после школы следовало крепко призадуматься, в какой институт поступать: здесь заваливали, там даже документы не принимали.

Русский: А ты не думал, что государство таким образом за равноправие боролось? Ведь сними ограничения, и все врачи с юристами оказались бы евреями, а токари со слесарями – русскими. Не честно. Вот дети спросят: что за страна такая Россия, где умные – евреи, а русские – все остальные?

А. Х.: Ну, если перегибать палку, то окажется, что Россия для русских, а Израиль для евреев. Опасные заявления. Мы подобное уже слышали 80 лет назад в Германии и знаем, чем все закончилось.

Еврей: Знаешь, русский, а ведь когда разбирались с Гитлером, мы с тобой одной национальности были! Если что делили, так только хлеб, патроны и спирт, и то – пополам!

Русский: Да и родина у нас была одна, и победе вместе радовались. Это потом уже нас потихоньку разводить стали. Все закрутилось, как в калейдоскопе: 1946 год – Жданов фактически разделил страну на правых и неправых, 1948 год – возродился Израиль, 1952 год – дело врачей, а дальше пошло-поехало. Просыпаешься утром и думаешь: вчера, вроде, братья, а сегодня кто?

Еврей: Вот так наше сознание замутилось. Танк можно остановить, самолет сбить, а когда работает идеология, наши мозги плавятся и становятся беззащитны. Все путается: и национальности, и государства, и религия. Особенно, когда все детство и юность программа «Время» начиналась и заканчивалась критикой израильской военщины. Да, были такие слова: израильская военщина и китайские гегемонисты! Хотя сейчас наступило какое-то перемирие: мы если не союзники, то не враги, это точно.

А. Х.: За сегодняшние добрососедские взаимоотношения, безвизовые поездки и возможность иметь двойное гражданство нам следует благодарить, как ни странно, Михаила Сергеевича Горбачева. При нем были восстановлены дипломатические отношения, им, вопреки мнению большинства в ЦК КПСС, был назначен послом замечательный журналист и честнейший человек Александр Бовин. С этого и началась новейшая история взаимоотношений России и Израиля. Кстати, наши государства очень похожи: живем в не самом дружественном окружении; несмотря на тысячелетнюю историю, современные реалии очень коротки во времени и не успели обрасти социальными традициями как, например, в Европе. Титульное население составляет 75–80 %, имеют место локальные военные конфликты. С коррупцией, кстати, и здесь, и там все в порядке: цветет и пахнет. Различий, впрочем, тоже не мало. Самое главное – менталитет. И как ни горько об этом говорить, но российские евреи, попадая в Израиль, мгновенно превращаются в русских.

Русский: Да что вы говорите? Мне-то казалось, что еврей – он и в Африке еврей!

А. Х.: Дело в том, что еврей и израильтянин – это не одно и то же. Израиль можно понять и принять, настроить свои мысли и поведение в соответствии с местными порядками и попытаться жить как все, причем жить неплохо. Это удастся примерно половине приезжающих. Но есть и вторая половина. Они с самого начала не приемлют новые обычаи, им все не так: климат, язык, арабы на улицах, воинская повинность и налоговая обязанность. Все, от чего они бежали, начинает вызывать ностальгию, иногда да слез. Я видел не туристический Израиль, а настоящий. Районы, где можно жить по-русски, разговаривать только по-русски и называть новую родину Израйловкой.

Еврей: Теперь и Хаминский учить нас будет. Да мы в Москве и Одессе на своих кухнях и то могли себе большую свободу позволить! Вы сначала нам что-то дайте, потом и требуйте!

Русский: Вам сначала Россия все дала: образование, работу, жилье. Но вам мало, пусть теперь Израиль раскошелится! Почему мы принимаем все, как есть, на выборы ходим, за Путина голосуем, идем своим, русским путем? Потому что у нас есть любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам: предки здесь жили, мы живем, наши дети родились, внуки и правнуки здесь родятся и будут жить.

А. Х.: Опять все возвращается к вопросу «где жить?». Евреи, в отличие от русских, в какой-то мере космополитичны. Но на это есть свои исторические причины. Веками, даже тысячелетиями фактически не имея родины, евреи расселялись по всей Европе и Северной Африке. Иврит дробился и обрстал наречиями. В Европе для простоты общения появился идиш. Марокканские евреи заговорили на еврейско-арабском языке, ближневосточные – на арамейском. Также свои языки или диалекты возникли у иранских, горских и даже индийских евреев.

Еврей: И все равно мы остались единым народом. В 1948-м еврейское государство возродилось на раз-два-три! Какие вожди были! Даже приснопамятному Сталину не верили так, как поверили великому Бен-Гуриону. Откликнулись евреи со всего мира. И не просто евреи, а лучшие люди. Знаете, кто такой Бен-Иехуда? Человек, возродивший иврит после 2000 лет забвения. Моше Даян – герой, славный военачальник, человек, без которого современный Израиль мог просто не состояться. Голда Меир – выдающаяся государственныйница, можно сказать, Рахиль XX века и, кстати, первый посол Израиля в СССР. Посмотрите на сегодняшний Израиль: лучшие в мире медицина, армия, разведка, силиконовая долина, наконец!

Русский: Чем хвастаешься? Пока израильяне все это строили, ты-то сам где был? А теперь, на готовенькое, каждый горазд. Знаешь, я, кажется, понял, откуда растут ноги у еврейского вопроса. Все дело в том самом космополитизме. Как вам можно доверять, когда у вас даже если попа на стуле сидит, глаза все равно в сторону двери смотрят. Так всегда было. Как калитка приоткроется, два свистка, и вас нет и в помине! И ничто не остановит: ни секреты доверенные, ни долг не отданный, ни имущество нажитое. Летите, как бабочка на огонь, и горите как бабочка!

Еврей: Я, вроде, понял, о чем ты говоришь. Только причем тут два свистка?

Русский: Первый свисток – «внимание», второй – «марш»!

Еврей: А «на старт»?

Русский: А вы и так всегда на старте, на низком таком старте! Ха-ха-ха!

А. Х.: Мне кажется, что у нас вся страна на низком старте. Ситуацию спасает только невиданная инертность народа. Помните, как у Бисмарка: русский медленно запрягает, но быстро ездит. Может, давно запряг, но ехать не на чем и некуда. Так вот, будь у русских свой Израиль, абсолютно неясно, как сложилась бы их судьба, и кто считался бы большим космополитом.

Русский: Что-то я устал спорить. Если бы, да кабы, то у всех на подоконнике родились ананасы, да сразу с шампанским. Вы тут еще поболтайте, а пока я пойду, займусь чем-нибудь полезным. Книжку напишу о вреде курения и алкоголизма, чтобы не думали, будто мы в этом понимаем только одно.

Еврей: Давай-давай! Если что, я в спортзале, подтягивайся. Будет скучно, там нам тоже будет, о чем поспорить!

А. Х. (оставшись один): Находясь по разные стороны круглого стола, мои герои порой отпускали в отношении друг друга чересчур острые шутки, допускали не всегда корректные высказывания, иногда даже на грани фола. Но, оказавшись внутри меня, их взгляды становились не так уж радикальны. Несмотря на то, что им бывает порой очень тесно друг с другом, найти общий язык оказывается все-таки проще, чем разрешить дело сварой. И невольно задумываешься, а что, если меньше слышать себя, но больше других. И не просто слышать, а еще и слушать. Конечно, прерогатива принимать решения всегда за тобой, но как здорово будет жить, если эти решения будут удовлетворять всех, и кто рядом, и кто далеко!

По-другому засияет солнце, шире откроются глаза. Сознание и душа сделают массу удивительных открытий. И либо убедишься в своей правоте и правильности суждений, либо наоборот, ломая стереотипы, откроешь для себя абсолютно новые видения мира.

Со временем понимаешь, что все значительно тоньше и глубже. Беседуя с двумя, казалось, такими разными персонажами, я сделал для себя несколько удивительных умозаключений.

Родина – понятие абсолютно не географическое, оно скорее характеризует субъективное ощущение комфорта в данном месте и в данное время. Причем, родину нельзя назначить. Она или есть, или ее нет. Нашел себе такое место, значит, ты счастливый человек. Но есть и космополиты, которые чувствуют себя одинаково комфортно повсюду, будь то Россия, Америка, Израиль, Япония... Дай Бог им быть успешными и счастливыми.

Как ни странно, не всякий русский любит Россию, и далеко не всякий еврей любит Израиль. Часто бывает наоборот. Хотя, можно поспорить. Но я не навязываю никому свое мнение. Пусть каждый выбирает сам. Где, как и с кем жить. Кстати, две глобальные в мировом масштабе личности, внесшие неоспоримый вклад в еврейское движение, – Альберт Эйнштейн и Марк Шагал – никогда не рассматривали для себя даже теоретической возможности перебраться в Израиль. А Высоцкий, который задышался и в конечном итоге задохнулся в Союзе, без того же Союза свою жизнь не представлял. Его учитель, режиссер мирового размаха, Юрий Петрович Любимов, столько хлебнувший и столько натерпевшийся, при первой возможности вернулся домой.

И самое главное. В отношениях людей не существует ни русского, ни еврейского вопроса. Проблема начинается, когда мы находим собратьев по нашим неудачам, комплексам или неумениям, и вместе пытаемся установить, а кто же виноват? Крестовые походы и инквизиция, черносотенные погромы и Холокост – порождение идеологии, следствие массового помутнения рассудка. Ведь если одним хорошо, то другим обязательно должно быть плохо. А виноватые найдутся всегда: русские, американцы, китайцы, чукчи, в крайнем случае, китайские гегемонисты или израильская военщина.

Так недалеко и до...

Прости, Господи, бес попутал!

Вместо эпилога

Их спор закончился также внезапно, как и начался. Сидя на terrace Salle Empire в Hotel De Paris, Монте-Карло, русский, сам не понимая почему, вдруг заказал местному оркестру попури из еврейских песен. Еврей не заставил себя ждать и ответил «Романсом» Свиридова. Потом они уже вместе попросили оркестр исполнить Show Must Go On. Музыканты развели руками и, в свою очередь, предложили Heu, Jude. Русский с евреем, не задумываясь, согласились, ведь эта песня была написана в те далекие времена, когда Леннон и Маккартни считались закадычными друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.